

Кони и люди

Шервуд Андерсон

КОНИ И ЛЮДИ

Сборник рассказов

ФТМ

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(0)

Перевод с английского Марка Волосова

Андерсон, Ш.

Кони и люди. / Ш. Андерсон ; [пер. с англ. М. Волосов]. – М. : T8RUGRAM / Агентство ФТМ, 2020. – 296 с.

ISBN 978-5-521-74294-3

Шервуд Андерсон (1876–1941) – один из выдающихся новеллистов XX века, признанный классик американской литературы. В рассказах Андерсона читателю открывается причудливый мир будничного существования обыкновенного жителя провинциального города, когда за красивым фасадом кроются тоска, страх, а иногда и безумная ненависть к своим соседям.

litagent.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(0)
BIC FC
BISAC FIC000000

ЗРЯ

Роман из жизни Огайо

Доктор был необыкновенно крупный человек и безукоризненно чистый. Я был у него в услужении, убирал его кабинет, косил лужайку перед домом, смотрел за его двумя лошадьми и выполнял все мелкие поручения по дому и кухне, вроде того как принести дров, налить воды в ванну, стоявшую на солнце, позади деревьев, а иногда во время купания потерять те места широченной спины доктора, которые оставались для него недостижимыми.

У доктора было одно пристрастие, и он сразу заразил им и меня. Он любил ловить рыбу, а так как он знал все рыбные места в реке, в нескольких милях к западу от города, и в заливе Сандаски, милях в двадцати на север, то мы часто отправлялись на довольно долгое время удить рыбу.

Однажды, после полудня, в один из последних июньских дней, когда мы плавали в лодке по заливу, к берегу прибежал фермер и, размахивая руками, стал звать доктора. В полумиле от нас, в устье какой-то реки, было найдено тело маленькой Мэй Эджли. Она уже несколько дней была мертва, и доктор ничем помочь не мог; конечно, глупо было его звать, тем более что у него только что начало клевать. Я и сейчас помню, как он ворчал и злил-

ся. Доктор тогда еще не знал, что произошло, а тут как нарочно рыба начала клевать просто изумительно, — я только что вытащил огромную рыбину, и нам улыбался целый вечер превосходной ловли. Но знаете ведь, как это бывает — доктор всегда должен бегать на зов всех и каждого.

— Будь он проклят! Всегда вот так. Извольте радоваться — вечерок для рыбной ловли, какой редко выдается, ветерок самый подходящий, небо облаками заволкло, так нет же, эдакое проклятое невезение! Стоит только показаться врачу, и фермер про это пронюхает, так, чтобы ему удовольствие доставить, он обязательно себе палец поломает, или мальчишка с крыши свалится, или у старухи живот разболится. Наверное, с одной из баб что-нибудь случилось! Я их знаю. У этого, что сейчас вот там орет, живет незамужняя сестра жены. Чертова баба, сентиментальная старая дева. Жалуется на нервы — доведет себя до истерики и решает, что сейчас умрет. Черта с два она умрет! Мне эта порода знакома. Им только и надо, чтобы доктор за ними на поводу ходил. Попадись им доктор в руки, так заполучат его в свою комнату и часами начнут говорить о себе — если только дашь им волю.

Доктор сворачивал лесу, жалуясь и ворча, а потом вдруг снова повеселел, что было очень характерно для человека, который часто с одинаковой улыбкой работал день-деньской, а ночью, вместо отдыха, неся куда-нибудь по ухабистым дорогам по спешному зову.

Он взялся за весла и стал грести к берегу. Когда я предложил заменить его у весел, он покачал головой и сказал:

— Нет, малыш, это хорошо для моей фигуры, — многозначительно указав глазами на свое огромное брюхо.

Он улыбнулся.

— Надо следить за своей фигурой. В противном случае я потеряю практику среди незамужних пациенток.

И вот, подъехав к берегу, мы узнали, что маленькая Мэй Эджли из нашего города утонула в этом захолустном углу и тело ее пробыло несколько дней в воде. Его обнаружили среди камышей, вблизи устья глубокой речки, впадавшей в залив. Когда мы пришли, фермер, его сын и батрак вытащили тело и положили на доски возле овина.

Я впервые в жизни видел смерть, и никогда мне не забыть тех минут, когда, идя следом за доктором мимо небольшой группы, собравшейся вокруг утопленницы, я увидел мертвое, разбухшее, обезображенное женское тело.

Доктор привык к подобным зрелищам, но для меня это было ново и ужасно. Я помню, что один раз взглянул и удрал. Я влетел в конюшню и оперся о ясли, из которых старая лошадь ела сено. Жаркий день вдруг показался мне холодным, но в конюшне мне снова стало тепло.

О, какая это чудесная вещь для мальчика — конюшня с ее чудным душистым запахом свежего сена и с согревающим теплом животных вокруг. Когда я жил и работал в доме доктора, его жена прикрывала меня зимою теплым пледом. И вот уютное тепло конюшни послужило в своем роде пледом в тот день, когда я увидел мертвое тело Мэй Эджли.

Мэй Эджли была девушкой маленького роста, с маленькими руками, и в одной руке, когда тело вытащили

из воды, была зажата дамская шляпа — большая, широкополая и, наверное, шикарная шляпа. На одной стороне красовалось страусовое перо, вроде тех, которые видишь на шляпах дам, наводняющих трибуны ипподромов или третьесортные курорты.

Оно запечатлелось у меня в памяти, это грязное, загаженное страусовое перо, за которое рука маленькой Мэй Эджли крепко ухватилась перед лицом смерти. Стоя в конюшне и еще вздрагивая от внутреннего холода, я вызвал в воображении это пышное перо, каким я часто видел его на голове сестры Мэй — Лили Эджли, которая всегда с вызывающим видом проходила по улицам нашего городка Бидвелля, в штате Огайо.

И в то время, как я стоял в старом стойле, трепеща детским страхом смерти, лошадка просунула свою морду меж досок и потерлась мягким, теплым носом о мою щеку. Фермер, у которого мы теперь находились, был, по всей вероятности, ласков с животными. Старая лошадка терлась носом вверх и вниз по моему лицу. Она, казалось, хотела сказать:

— Тебе еще далеко до смерти, милый мальчик, когда время придет, то ты вовсе не будешь бояться. Я стара уже, а потому знаю. Смерть кажется доброй утешительницей, когда мы прожили наши дни.

Во всяком случае, она хотела сказать нечто вроде этого; я успокоился, это разогнало страх и могильный холод.

Все формальности по перевозке тела Мэй Эджли в город к ее родным были выполнены, и вечером в глубоких сумерках мы с доктором возвращались домой; вот тогда доктор, говоря об утопленнице, употребил то слово, ко-

торое я взял заглавием для моего рассказа. «Зря, — сказал он, — совершенно зря».

Он много интересного сказал в тот вечер, но всего не вспомнишь; ночь мягко надвигалась, и серая дорога виднелась все более и более смутно; но вот выплыла луна, и дорога из темно-серой стала серебристой с чернильными кляксами в тех местах, куда падали тени деревьев.

Доктор был достаточно умен для того, чтобы не относиться свысока к мальчику. Сколько раз, бывало, говорил он со мною о своих впечатлениях, о людях и событиях. О, в голове старого жирного доктора теснилось много мыслей, о которых не догадывались его пациенты, но он делился ими с мальчиком, служившим у него.

Старая кобылка бежала ровным шагом, так же весело выполняя свою работу, как ее хозяин свою.

Доктор закурил сигару.

Он заговорил о покойнице, о Мэй Эджли, — какая это была умная девушка.

Что касается ее истории, то он не сполна рассказал мне ее. Я жил в тот вечер очень интенсивной жизнью, вернее, мое воображение било ключом, а доктор был сеятелем, ронявшим семена в плодородную почву. Он как будто подвигался широким длинным полем, свежеевзраделанным пахарем — смертью, и широко разбрасывал по пути семена повести — семена падали далеко, за пределы поля, и попадали в восприимчивое, пробуждающееся воображение мальчика.

ГЛАВА I

Семья Эджли, проживавшая в нашем городке Бидвелле, в штате Огайо, состояла из трех братьев, трех сестер и их родителей.

Две старшие девушки, Лиллиан и Кейт, были известны, по крайней мере, в дюжине городков, вдоль железной дороги, проходившей между Кливлендом и Толедо.

Слава старшей Лиллиан разошлась далеко за пределы Бидвелля. Ее хорошо знали на улицах соседних городов, вроде Клайда, Норуолка, Фримонта, Тиффина, и даже в Кливленде и в Толедо. Летним вечером она гуляла вверх и вниз по нашей Главной улице, и на голове у нее неизменно красовалась огромная шляпа с белым страусовым пером, ниспадавшим до плеча.

Так же как и сестра ее Кейт (которая, кстати, не занимала видного положения в жизни нашего городка), Лиллиан была блондинкой с холодным, пристальным взглядом голубых глаз.

Почти каждую пятницу вечером Лиллиан пускалась в поиски приключений и возвращалась не раньше понедельника или вторника. Было очевидно, что эти приключения весьма прибыльны, ибо семья Эджли состояла сплошь из переобремененных тружеников, и уже наверное не братья покупали то бесконечное количество новых тряпок, в которые рядилась Лиллиан.

В один из таких вечеров, в пятницу, Лиллиан появилась на главной улице Бидвелля близ вокзала; тут околачивались дюжины две мужчин и женщин, ожидавших